

А. Н. Бенуа

История русской живописи в XIX веке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б46

Б46 **Бенуа А.Н.**
История русской живописи в XIX веке / А. Н. Бенуа – М.: Книга по Требованию, 2024. – 305 с.

ISBN 978-5-458-09167-1

ISBN 978-5-458-09167-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	Стран.
Боровиковскій. Павелъ I. (Романовская галлерей).	17
„ Семейный портретъ. (Собр. Д. А. Бенкендорфа въ Спб.)	18
Кипренскій. Автопортретъ. (Литографія)	19
„ Д. Давыдовъ. (Музей И. Александра III).	22
„ Д. Н. Хвостова. (Третьяковская галл.)	24
Варнекъ. Автопортретъ. (Собр. И. С. Остроухова въ Москвѣ).	25
Тропининъ. Сынъ художника. (Третьяковская галл.)	27
„ Графиня Зубова. (Третьяковская галл.)	28
Орловскій. Бивуакъ. (Музей И. Александра III).	29
„ Дрожки. (Ориг. литографія)	30
Лосенко. (?). Живописецъ. (Третьяковская галл.)	32
Венеціановъ. Автопортретъ. (Музей И. Александра III)	34
„ Гумно. (Музей И. Александра III)	35
„ Группа крестьянъ. (Музей И. Александра III)	37
„ Помѣщица. (Музей И. Александра III)	38
Тырановъ. Пріятели. (Музей И. Александра III)	40
Зарянкo. Г-жа Сокурова. (Музей И. Александра III)	41
Зеленцовъ. Мастерская Басина. (Музей И. Александра III).	42
Щедровскій. Мастерская бондаря. (Ориг. литографія).	43
Графъ Ѳ. Толстой. Душенька. (Ориг. гравюра).	44
„ Семейство художника. (Музей И. Александра III)	45
Ѳ. Алексѣевъ. Набережная Невы. (Музей И. Александра III)	48
Галактионовъ. Каменноостровскій мостъ. (Ориг. литографія)	49
М. Воробьевъ. Парадъ. (Собр. П. Я. Дашкова)	50
А. Брюлловъ. Гулянье на Елагиномъ. (Ориг. литографія)	51
Сильвестръ Щедринъ. Сорренто. (Музей И. Александра III).	53
К. Брюлловъ. Автопортретъ. (Румянцевскій Музей).	58
„ Помпея. (Музей И. Александра III).	60
„ Сонъ бабушки и внучки. (Съ гравюры)	61
„ Н. Кукольникъ. (Третьяковская галлерей)	62
„ Граф. Самойлова. (Музей И. Александра III).	63
Бруни. Мѣдный змѣй. (Музей И. Александра III)	71
„ Потопъ. (Музей И. Александра III)	75
„ Вахханка. (Музей И. Александра III).	77
Семирадскій. У фонтана	83
К. Маковскій. Масляница. (Музей И. Александра III).	85
А Ивановъ. Явленіе Христа народу. (Румянцевскій музей)	96
„ Портретъ А. Иванова. (Литографія).	99
„ Этюды для „раба“. (Собр. М. П. Боткина).	101
„ Воскресеніе Христово. (Румянцевскій Музей)	103
„ Явленіе ангела Іосифу. (Румянцевскій Музей)	105
„ Моленіе о чашѣ. (Румянцевскій Музей)	107
Ярошенко. Портретъ Ге. (Третьяковская гал.)	113
Ге. Распятіе. (Собр. П. Н. Ге).	115
Кузнецовъ. В. Васнецовъ. (Третьяковская гал.).	117
В. Васнецовъ. Аленушка. (Третьяковская гал.).	119
„ Каменный вѣкъ. (Историческій Музей въ Москвѣ)	121
„ Отцы русской церкви. (Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ)	123
„ Страшный судъ. (Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ).	125

	Стран.
Федотовъ. Художникъ съ родителями. (Собр. И. Е. Цвѣткова въ Москвѣ).	134
Федотовъ. Послѣдствія смерти Фидельки. (Третьяковская галл.).	137
Федотовъ. Свѣжій кавалеръ. (Румянцевскій музей)	139
Федотовъ. Сватовство маіора (Румянцевскій музей).	140
Федотовъ. Вдовушка. (Румянцевскій музей).	142
Рѣпинъ. Портретъ В. В. Стасова. (Третьяковская галл.).	148
П. Соколовъ. Въ пути	154
П. Соколовъ. Портретъ С. Атавы. (Музей Имп. Александра III)	155
Перовъ. Приѣздъ гувернантки въ купеческое семейство. (Третьяковская галл.)	160
Перовъ. Похороны въ деревнѣ. (Румянцевскій музей)	162
Перовъ. Портретъ Островскаго. (Третьяковская галл.)	163
Прянишниковъ. Спасовъ день. (Третьяковская галл.)	169
Крамской. Портретъ дочери художника. (Музей Имп. Александра III).	171
Крамской. Портретъ художника Литовченки. (Третьяковская галл.)	172
Ге. Портретъ Герцена. (Третьяковская галл.).	173
Ге. Портретъ Льва Толстого. (Третьяковская галл.)	174
Рѣпинъ. (Фотографія)	176
Рѣпинъ. Бурлаки (Дворецъ Великаго Князя Владиміра Александровича).	176
Рѣпинъ. Іоаннъ Грозный. (Третьяковская галл.).	177
Рѣпинъ. Не ждали. (Третьяковская галл.).	179
Рѣпинъ. Запорожцы. (Музей И. Александра III).	181
Рѣпинъ. Портретъ Пирогова. (Третьяковская галл.)	183
Савицкій. Встрѣча иконы. (Третьяковская галл.)	186
Ярошенко. Заключенный. (Третьяковская галл.).	187
Верещагинъ. Шипка—Шейново. (Третьяковская галл.).	189
Верещагинъ. Плевна. (Третьяковская галл.)	190
В. Маковскій. Крахъ банка. (Третьяковская галл.).	192
Лебедевъ. Кафель Гандольфо. (Музей И. Александра III).	197
Ө. Васильевъ. Барки на Волгѣ. (Музей И. Александра III).	199
Айвазовскій. Кораблекрушеніе. (Музей И. Александра III).	200
Шишкинъ. Лѣсная глушь. (Третьяковская галл.)	203
Куинджи. Березовая роща. (Третьяковская галл.)	205
Куинджи. Гроза. (Третьяковская галл.).	207
Саврасовъ. Грачи прилетѣли. (Третьяковская галл.).	209
Полѣновъ. Бабушкинъ садъ. (Третьяковская галл.)	211
Дубовской. Притихло. (Музей И. Александра III).	212
Остроуховъ. Сиверко. (Третьяковская галл.)	213
Шварцъ. Вешній поѣздъ царицы на богомолье. (Третьяковская галл.).	215
В. Суриковъ. (Фотографія).	216
Суриковъ. Утро Стрѣлецкой казни. (Третьяковская галл.).	217
Суриковъ. Боярыня Морозова (Третьяковская галлерей).	220
Суриковъ. Покореніе Сибири. (Музей И. Александра III).	221
Сѣровъ. Портретъ Левитана. (Третьяковская галл.).	227
Левитанъ. Мартъ. (Третьяковская галл.)	228
Левитанъ. Надъ вѣчнымъ покоемъ. (Третьяковская галлерей)	228
Левитанъ. Сумерки. (Третьяковская галл.).	229
Левитанъ. Лунная ночь	230
Сѣровъ. Портретъ Н. А. Римскаго-Корсакова. (Третьяковская галл.)	232

	Стран.
Съровъ. Подъ деревомъ. (Третьяковская галл.).	233
Съровъ. Дѣти. (Музей И. Александра III)	234
Съровъ. Октябрь. (Собр. В. В. ф. Мекъ въ Москвѣ)	235
Константинъ Коровинъ. Портретъ	236
Константинъ Коровинъ. Сѣверный пейзажъ. (Музей И. Александра III) .	237
Коровинъ. Сѣверное сіяніе	238
Нестеровъ. Св. Сергій Радонежскій. (Третьяковская галл.).	240
М. Нестеровъ. (Фотографія)	241
Нестеровъ. Подъ благовѣсть. (Собр. кн. М. К. Тенишевой СПб.)	242
А. Васнецовъ. Сибирь. (Собр. В. В. ф. Мекъ въ Москвѣ)	243
Аполлинарій Васнецовъ. Деревянный городъ въ Москвѣ XVII в. (Музей И. Александра III)	244
Якунчикова. Пригорокъ. (Оригинальный красоч. офортъ).	245
Архиповъ. На Окѣ	246
Свѣтославскій. Постоялый дворъ въ Москвѣ. (Третьяковская галл.). . .	247
Бразъ. Портретъ А. П. Соколова. (Музей И. Александра III).	249
Малявинъ. Портретъ. (Собст. баронессы Вульфъ).	251
Е. Полѣнова. Волкъ и Лиса. (Собр. княг. М. К. Тенишевой).	255
Малютинъ. Дворецъ Владиміра Красное Солнышко	258
Малютинъ. Золотой пѣтушокъ. (Собр. княг. М. К. Тенишевой).	259
М. Врубель. Сатиръ. (Собр. г. Жуковскаго въ СПб.).	265
М. Врубель. Ночное. (Собр. В. В. ф. Мекъ)	266
Л. Бакстъ. Портретъ. (Собр. С. П. Дягилева въ СПб.).	268
Малявинъ. Константинъ Сомовъ. (Собр. К. А. Сомова въ СПб.)	269
Сомовъ. Лѣтній вечеръ	271
Сомовъ. Прогулка. (Собр. С. П. Дягилева).	272

Исторія русской живописи въ XIX вѣкѣ.

I.

Судьба русскаго искусства вообще, и въ частности живописи, престранная. Литература уже съ половины прошлаго вѣка начинаетъ отражать въ себѣ общественныя настроенія, быстро затѣмъ крѣпнеть, растетъ и, наконецъ, разцвѣтаетъ необычайно пышнымъ цвѣтомъ въ произведеніяхъ великихъ свѣтилъ русской мысли и слова: Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого; въ ихъ творчествѣ воплощается весь смыслъ русской жизни, все разнообразіе, вся глубина ея стремленій. Развитіе музыки слабѣе, сбивчивѣе, но все же достигаетъ удивительной высоты; она входитъ въ русскую жизнь и становится отраженіемъ этой жизни, будитъ въ нашихъ сердцахъ сокровенныя, необъяснимыя, но дорогія ощущенія. Однако другія искусства, искусства образа, пластической формы, тѣмъ временемъ какъ-то маются, перебиваются, всегда оставаясь далеко позади литературы и музыки, какимъ-то слабымъ ихъ отголоскомъ. Въ чемъ же дѣло?

Не виновата-ли въ томъ природная неспособность русскаго человѣка въ этой области, находящаяся, какъ думаютъ нѣкоторые, въ зависимости отъ географическаго положенія, отъ скудости и однообразія впечатлѣній, а также и отъ различныхъ историческихъ причинъ, каковы, напр. вѣковое рабство низшихъ сословій, безтолковое воспитаніе высшихъ, или застылость религіозныхъ воззрѣній? Все это, можетъ быть, и дѣйствовало на *развитіе* способностей, но относительно существа вопроса придется сразу отвѣтить отрицательно, ибо са-

мая способность русских людей ужъ во всякомъ случаѣ не можетъ подвергаться сомнѣнію. Стоитъ только вспомнить, до какого мастерства живописи доходили нѣкоторые наши художники: Левицкій, Боровиковскій, Щедринъ, Кипренскій, Рѣпинъ, Сѣровъ, чтобы сейчасъ-же рѣшить и безусловно, что чисто живописной способности въ русскомъ народѣ всегда было немало.

Итакъ, *мастерство* могло быть—и было. Но тогда, можетъ быть, не было, такъ-сказать, внутренняго матеріала: русскіе художники, въ силу разныхъ условій, были на такой низкой ступени развитія, что угнаться за своими товарищами писателями имъ нечего было и думать? Но и это предположеніе невѣрно. Правда, большая часть художниковъ прозябала въ невѣжествѣ, но вѣдь въ другихъ странахъ это не мѣшало появленію прекрасныхъ художественныхъ произведеній; съ другой же стороны, въ средѣ русскихъ художниковъ немало встрѣчалось за послѣдній вѣкъ высокообразованныхъ и очень выдающихся личностей, равныхъ которымъ и на Западѣ нашлось бы немного. Стоитъ лишь вникнуть въ то, что представлялъ собой одинъ нашъ Ивановъ, какъ глубокоумный мыслитель-художникъ, чтобы сейчасъ-же отказаться отъ мысли, что наша живопись не могла именно за недостаткомъ значительныхъ лицъ дать все столь-же глубокое, прекрасное и мощное, какъ далъ любой народъ на Западѣ, или наши-же литература и музыка. Да и кромѣ Иванова не было недостатка въ сильныхъ и одухотворенныхъ индивидуальностяхъ среди русскихъ художниковъ. Венеціановъ—такое явленіе, которому равнымъ въ то время на Западѣ былъ только одинъ Рунге; Ѳедотовъ, пробившійся изъ николаевской военщины до положенія вождя русской живописи; Верещагинъ, такъ горячо, такъ стойко пропагандировавшій свои (быть можетъ, и не очень глубокіе, но искренніе и когда-то свѣжіе) идеалы; Рѣпинъ и Васнецовъ, вырвавшіеся изъ провинціального болота и сдѣлавшіеся прославленными представителями школы; Ге, съ упорствомъ и не безъ дерзости принявшійся въ своихъ картинахъ проповѣдывать такія философскія воззрѣнія, которыя наименѣе были возможны у насъ; всѣ они и во главѣ ихъ, повторяю, Ивановъ,—такія явленія, которыя ясно доказываютъ, что недостатка въ значительныхъ личностяхъ среди нашихъ художниковъ отнюдь не было. Напротивъ того, врядъ-ли за все ХІХ столѣтіе въ исторіи живописи сыщется гдѣ-либо такое собраніе отчаянныхъ борцовъ и преобразователей.

Отчего же эти силачи и храбрецы, въ общемъ, не дали ничего яркаго, рѣшительнаго, окончательнаго и цѣльнаго, а вся ихъ дѣятельность свелась къ чему-то въ концѣ концовъ недосказанному, сѣрому и вялому, представляющему громаднѣйшій интересъ для насъ, такъ какъ мы способны подъ непривлекательной корой отрыть драгоценное для насъ, затерянное, поломанное и загрязненное, но являющееся для западныхъ изслѣдователей и цѣнителей чѣмъ-то столь неутѣшительнымъ, что и до сихъ поръ русская школа не добилась тамъ, подобно русской литературѣ, заслуженнаго почета и любви? Откуда же та кора, которая сковывала и душила у насъ даже самыхъ сильныхъ? Откуда такое блужданіе самыхъ смѣлыхъ, такой хаосъ намѣреній, желаній, такое коверканіе часто недоразвитыхъ способностей? Откуда, словомъ, все то, что является причиной неутѣшительнаго положенія нашего искусства, на поприщѣ котораго за всѣ 200 лѣтъ, что существуетъ у насъ *общеевропейское* искусство, трудилось столько почтенныхъ и превосходныхъ русскихъ людей?

Не оттуда-ли, откуда вообще идетъ вся наша сумятица, а за ней, какъ слѣдствіе ея, лѣнь и апатія „Обломовки“: отъ нашей — боюсь сказать столь избитое, но все же вѣрное слово—оторванности отъ почвы, отъ незаполнимой пропасти, существующей между коренной народной жизнью и той наносной культурой, которую мы еще и теперь такъ мучительно сознаемъ, не ужившись

въ теченіе двухъ столѣтій съ ней? Мы, вѣдь, все еще чувствуемъ себя чужими среди нашихъ учреждений, нашего общества, всей нашей обстановки, и отдыхаемъ отъ этой вѣчной и мучительной натяжки, отъ этого мундира, только въ безконечныхъ, чисто-русскихъ бесѣдахъ, въ чтеніи тѣхъ-же бесѣдъ, такъ дивно, полно и глубоко переданныхъ нашими писателями, или въ слушаніи тѣхъ пѣсень, которыя являются отдаленнымъ, но вѣрнымъ отраженіемъ того, что слушаетъ народъ испоконъ вѣковъ.

Что же касается нашей живописи, скульптуры, архитектуры, художественной промышленности, то онѣ остаются для насъ такими-же чужими и ненавистными, какъ наши гимназіи, департаменты или мертвыя улицы Петербурга. Кто же виноватъ въ томъ? Художества-ли въ томъ виноваты—или мы сами, общество, для котораго они существуютъ?

Не художества, не силы, ушедшія на нихъ, да и не мы сами по себѣ, а всѣ наши взаимныя отношенія, отношенія не выдуманная, не случайныя, но коренящіяся въ самой исторіи. Между русскимъ обществомъ и русскимъ искусствомъ царитъ то-же недоразумѣніе, какъ 200 лѣтъ тому назадъ, когда вмѣстѣ съ кафтанами и париками къ намъ завезли голландскія и нѣмецкія картины, итальянскія статуи. Какъ могли люди вдругъ полюбить всякія аллегоріи, чужихъ боговъ, святыхъ и ангеловъ, когда только-что они все это должны были *ненавидѣть*, а любили по-своему, но крѣпко, отъ всего сердца, нѣчто совершенно другое?! Самъ Петръ не понималъ живописи: онъ любилъ забавляться въ картинкахъ воспоминаніями тѣхъ сценокъ, которыя онъ видѣлъ въ своей милой Голландіи, онъ еще больше любилъ наслаждаться „портретами“ столь нужныхъ ему кораблей, но европейское искусство не вошло къ нему въ домъ, не ужилось съ нимъ. Петръ охотнѣе всего прожилъ бы весь вѣкъ въ своихъ убогихъ домишкахъ (только чтобъ не оставаться въ пугавшихъ его старинныхъ покояхъ), и если къ концу жизни и замѣтно въ немъ большее стремленіе къ роскоши и блеску, то это не въ силу внутренней потребности изящнаго, но изъ политическихъ соображеній, такихъ-же, которыя руководили имъ, когда онъ въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ, противъ желанія, роскошные кафтаны и новые, дорогіе парики. Елисавета, прожившая полъ-жизни въ подмосковныхъ царскихъ теремахъ, ходившая на частыя богомолья въ древнія русскія церкви, съ древними русскими иконами, не могла *любить* того французскаго и итальянскаго шумливаго искусства, среди котораго она проживала и даже молилась, ставъ императрицей: все это ей служило лишь блестящей рамкой для ея красоты, подобно тѣмъ золототканнымъ робронамъ и миллионнымъ уборамъ, въ которыхъ она выходила на куртагъ. Дворъ, аристократія, кое-кто изъ именитаго купечества, слѣпо, но такъ-же поверхностно перенимали иностранную роскошь, входившую въ показную жизнь государей: пониманія не было никакого, зато много чванства золотомъ и дорогими произведеніями иностранныхъ мастеровъ. Люди того времени, за рѣдкими исключеніями, оставались тѣми-же древними русскими, съ тѣми-же древними привычками; они обзаводились изящными нарядами, строили великолѣпныя палаты, накупали для нихъ картинныя галлерей, но приэтомъ ихъ внутренніе покои нерѣдко походили на хлѣвъ, а сами они ходили у себя дома въ отрепьяхъ.

Другое дѣло—печатное и писанное *слово*: оно и въ до-петровской Руси жило своей жизнью, даже неособенно стѣсненное, и переходъ здѣсь отъ стараго къ новому, сліяніе своего съ чужеземнымъ незамѣтно прошло въ самой жизни, основательно и безповоротно, искусство же было какъ-то выслано въ переднюю, гдѣ и стало томиться на-показъ другимъ, никому собственно ненужное.

Въ теченіе всего 18-го вѣка, и въ особенности къ концу его, западная культура уже сильнѣе проникала русскую жизнь, но опять-таки больше во всѣхъ другихъ ея областяхъ, кромѣ художественной; измѣнилось, и кореннымъ образомъ, все, что касалось нравственнаго склада, внутренней жизни и образованности, но осталась почти незатронутою *обстановка* жизни. Грязь и безобразіе, царствовавшія въ жизни Безбородко, Потемкина и многихъ высокопоставленныхъ и богатыхъ русскихъ людей позднѣйшаго времени, среди ихъ палатъ, тонко и со вкусомъ отдѣланныхъ иностранными мастерами превосходно доказываютъ, что мало имъ было дѣла до всего этого, что въ сущности и они, подобно Петру, предпочли-бы незатѣйливое, но зато родное удобство всему тому чужеземному и потому стѣснительному.

Наше современное русское общество уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться азіатскимъ и варварскимъ; душа его воспитана всѣмъ, что только есть свѣжаго и свѣтлаго; оно само создало немало дивнаго и высокаго, изумившаго весь міръ и поучившаго его; однако, въ наружныхъ проявленіяхъ жизнь его не много чѣмъ отличается отъ жизни его предковъ. За-границей, попрежнему, русскаго человѣка узнаютъ по безобразной, иногда даже неопрятной одеждѣ; наши города, нашъ знаменитый Невскій—какіе-то музеи вопіющаго безвкусія, памятники равнодушія къ прекрасному, къ мало-мальски изящному; обстановки квартиръ, часто даже богатыхъ людей, англичанину или нѣмцу показались бы достойными жилищъ развѣ только чернорабочихъ. Намъ все это иностранное до сихъ поръ претитъ до отвращенія. Противъ своей воли навязывали себѣ чужеземную роскошь наши дѣды, да и то не любовались ею, поглядывали на нее, какъ на чужой скарбъ, вторгнувшійся въ ихъ помѣщенія; картины для галлерей—на-показъ, мебель для залъ—на-показъ! А въ наше время, вѣрнѣе—незадолго до нашего времени, на все это прямо цинично махнули рукой, со всѣмъ этимъ развязались, все это продали, забыли, пользуясь случаемъ, что оно было заклемено политическими и этическими ученіями 50-хъ—60-хъ годовъ.

До чего мало вошло искусство къ намъ въ жизнь—лучше всего доказываютъ воззрѣнія на него умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ нашихъ людей. Начиная съ Пушкина, валявшагося въ ногахъ передъ „геніемъ“ Брюллова, кончая Львомъ Толстымъ, написавшимъ печальный, по основному непониманію, трактатъ объ искусствѣ, всѣ безъ исключенія, даже Гоголь и Достоевскій, имѣли самыя темныя, сбивчивыя понятія о живописи, скульптурѣ, архитектурѣ.

Да что писатели—сами художники наши мало любятъ искусство, оно не вошло и къ нимъ въ жизнь, и они сами не чувствуютъ духовной потребности въ немъ. Что можетъ быть безотраднѣе обстановокъ, среди которыхъ живутъ величайшіе наши мастера, что возмутительнѣе тѣхъ рѣчей, которыя приходится слышать отъ нихъ, и на первомъ мѣстѣ—той аксіомы, въ которую они, какъ это ни странно, непоколебимо вѣруютъ, что живопись и, вообще, пластическое искусство по самому существу неизмѣримо ниже литературы?

Измѣнивъ нашу жизнь, намъ не привили новаго западнаго искусства, точнѣе—потребности въ немъ: оно намъ вовсе еще не нужно... Разумѣется, Федотовъ, Рѣпинъ стали для насъ ближе, занятнѣе, понятнѣе, нежели Егоровъ и Лосенко, но все же и они остались какими-то лишними: мы и ихъ не впустили въ свою внутреннюю жизнь, мы для нихъ не подумали бы сами измѣниться, мы и на нихъ смотрѣли, какъ на мимолетную забаву, какъ на какую-то иллюстрацію, едва-ли нужную, къ тѣмъ книгамъ въ шкафу, которыми зачитываемся, которыя совершенно заполнили всю нашу умственную жизнь,

а не какъ на главное, нужное, необходимое украшеніе нашего существованія и поученіе нашего духа.

Русскій человѣкъ, какъ и всякій другой, нуждается въ образахъ и формахъ, и древній русскій человѣкъ находилъ удовлетвореніе этой потребности въ своихъ расписанныхъ палатахъ, въ своихъ чудесныхъ церквахъ, въ литургіи, отчасти даже въ иконахъ, несмотря на всю ихъ застылость; но когда замѣнъ этого родного, взлелѣяннаго изъ самаго сердца, принесли и навязали ему быть можетъ и болѣе совершенное по формѣ, но чужое, то онъ отъ своего-то по принужденію отсталъ, но къ новому такъ и не присталъ. Вѣдь странно: въ какой-нибудь простой избѣ съ ея рѣзбой и полотенцами, въ какомъ-нибудь дѣвичьемъ нарядѣ есть искусство, хоть и бѣдное, но вполне подходящее, милое и даже необходимое; простой, бѣдный мужикъ прямо нуждается въ искусствѣ, онъ раскрашиваетъ свои недолговѣчныя барки, свою дугу (и какъ красиво!), свою посуду,—и все это такъ характерно, сочно, своеобразно, и даже прекрасно, хоть и неумѣло; а въ богатомъ домѣ кромѣ вздорнаго, ребяческаго, подчасъ испошленнаго копированія западнаго искусства ничего не встрѣтишь.

Общество не принимало участія въ развитіи искусства, или принимало въ крайне слабой степени, а между тѣмъ замѣнъ этого нашлось цѣлое всемогущее учрежденіе, которое, не встрѣчая никакого противодѣйствія со стороны безучастнаго къ искусству общества, взяло на себя вершеніе судебъ русскаго искусства, на основаніи самыхъ правильныхъ и патентованныхъ данныхъ, замствованныхъ изъ такихъ-же учреждений на Западѣ. Получилось нѣчто поистинѣ ужасное: настоящій источникъ одухотворенія искусства—взаимодѣйствіе художествъ и общества—отсутствовалъ, а намѣсто его явился какой-то насосъ, принявшійся накачивать бѣдное русское искусство всякой схоластикой, ужъ окончательно отчуждавшей его отъ общества.

Но старанія нашихъ великихъ мучениковъ и страдальцевъ—художниковъ—не пропали даромъ: главный врагъ, главная поддержка чужого, лживаго и ненужнаго, въ наше время уже сражена и болѣе не опасна. Старая академія умерла,—на ея мѣстѣ выросла другая, но ужъ нестрашная, безъ всякой опредѣленной эстетической программы, академія, попирающая академизмъ,—существо компромиссное, общающее когда-нибудь выясниться въ нѣчто определенное и вполне цѣлесообразное. Съ другой стороны, и насъ, позже всѣхъ положимъ, но наконецъ коснулось великое націоналистическое движеніе Запада. Сначала, какъ и тамъ, явились предтечи-археологи, затѣмъ кое-кто изъ художниковъ попробовалъ стать русскимъ, а теперь ужъ почти всѣ художники и все общество чувствуютъ великую радость оттого, что могутъ имѣть свое русское искусство, по-своему творить, и даже по-своему красиво жить, по-своему наслаждаться своими красотами. Но это еще такъ ново для насъ, для общества и художниковъ, что лишь робко и съ тревогой мы идемъ точно по новому, а въ сущности по старому пути.

Безчисленны ошибки, безчисленны круженія, многое душа наша позабыла, мы ощупью бродимъ въ свѣтлѣющихъ сумеркахъ. Но какъ-будто всходитъ заря, и, можетъ-быть, не такъ далеко время, когда мы поймемъ другъ друга, общество и художники, наконецъ влюбимся другъ въ друга, сольемся и создадимъ тогда нѣчто органически коренящееся въ насъ, какъ въ частяхъ великаго народнаго цѣлага, нужное, полное и животворящее, потому что—свое, родное.

II.

Принято считать, что Петръ Великій познакомилъ Россію съ западнымъ искусствомъ, что при немъ были посѣяны первыя сѣмена художественнаго пониманія въ обще-европейскомъ смыслѣ и что уже въ его время являются первые всходы новой русской школы живописи. Дѣйствительно, Петръ съ 10-хъ годовъ XVIII в., когда существеннѣйшее въ государственномъ устройствѣ имъ было уже сдѣлано, сталъ вмѣсто прежнихъ своихъ блокгаузовъ строить дворцы на нѣмецкій ладъ, украшать ихъ плафонами, стѣнной живописью, картинами; самъ онъ не дичился больше художниковъ, позволялъ имъ списывать свою „персону“ и, такимъ образомъ, способствовалъ тому, что и у насъ укоренился обычай оставлять потомкамъ свои изображенія; наконецъ, послалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, проявившихъ кое-какія способности, за-границу для обученія живописнымъ и другимъ мастерствамъ, и даже приблизилъ одного изъ нихъ къ себѣ, по возвращеніи его въ Россію, назначивъ его гофмалеромъ; вѣроятно также, онъ привелъ бы въ исполненіе свое намѣреніе, вѣрнѣе—проектъ перваго ревнителя художествъ Аврамова, основать Академію Художествъ, если бы смерть не прервала его плановъ.

Но спрашивается: означаютъ-ли всѣ эти факты, что Петръ любилъ и принималъ искусство такъ, какъ въ то время понимали его въ Европѣ, и является-ли, въ самомъ дѣлѣ, онъ первымъ сѣятелемъ самостоятельной русской школы? Вѣрнѣе, что нѣтъ.

Отъ Петра ускользнуло то, что въ данное время являлось въ Европѣ истиннымъ, живымъ искусствомъ. Если мы взглянемъ на художественныя школы въ Европѣ въ началѣ XVIII в., то увидимъ странную картину какого-то душевнаго безплодія и унынія. Въ Англіи и Фландріи уже умерли послѣдніе преемники ванъ-Дейковъ и Теніеровъ, на мѣстѣ ихъ укрѣпилось, подъ покровительствомъ чужеземныхъ государей, самое тупоумное и ходульное подражаніе болонцамъ; въ Голландіи доживала кое-какъ голландская школа, лишь слабо, робко, съ какимъ-то ненужнымъ педантизмомъ повторявшая завѣты стариковъ, и то не лучшихъ, тѣсня сама новѣйшимъ классическимъ движеніемъ, которое было порождено злополучнымъ ванъ-деръ-Верфомъ; въ Испаніи—совершенная пустыня; въ Италіи—бездушные ловкачи, удивительное мастерство и полное отсутствіе искусства; въ Германіи—слабыя и смѣшныя потуги угнаться за версальской помпой, или жиденькое подражаніе голландцамъ. Въ одной лишь Франціи, послѣ того, что толпа Лебрёновскихъ птенцовъ вконецъ уморила французское общество тоской своихъ драпировочныхъ, жестикулирующихъ и пестрыхъ картинъ, снова ожили и выглянули на свѣтъ Божій полузамерзшія Музы, стыдливо переодѣтыя въ маскарадный нарядъ, и пошли робко, почти пугливо, слѣдомъ за своимъ очаровательнымъ запѣваломъ—Ватто.

Этого-то явленія Петръ и не замѣтилъ; но если бы замѣтилъ, то врядъ-ли былъ бы способенъ оцѣнить его какъ слѣдуетъ, а попробуй онъ перенести что-либо подобное къ себѣ, навѣрное ничего хорошаго изъ этого бы не вышло. То, что такъ чудно пришлось по вкусу утонченнымъ, усталымъ французамъ, съ яко-бы дѣтской безпечностью сбросившимъ желѣзныя фижмы и выбѣжавшимъ въ широкихъ и мягкихъ халатахъ изъ прямолинейныхъ, граненыхъ садовъ на нѣжную травку, подъ тѣнь шуршащихъ рощицъ, то милое, но чуточку старческое ребячество — не могло прійтись по вкусу полуазіатамъ, мечтавшимъ о грубыхъ наслажденіяхъ, о выпивкѣ, о блескѣ, а вовсе не о такихъ „невинныхъ“ удовольствіяхъ. Только-что съ громаднымъ трудомъ ихъ выдрес-